

Бова. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://radischevaalexander.ru/> приятного чтения!

Бова. Александр Николаевич Радищев

Повесть богатырская стихами

O che caso! che sventura! *

*[О, какой случай! какое несчастье! – итал. – Ред.]

Вступление

Из среды туманов серых Времен бывших и протекших, Из среды времен волшебных, Где предметы все и лица, Чародейной мглой прикрыты, Окружены нам казались Блеском славы и сияньем; Где являются все вещи Исполинны и иройски, Как то в камере-обскуре, Я из сих времен желал бы Рассказать старинну повесть И представить бы картину Мнений, нравов, обычаев лет тех рыцарских преславных, Где кулак тяжеловесный Степень был ко громкой славе, А нередко – ко престолу; Где с венцом всегда лавровым Венец миртовый сплетался, Где сражались за славу И любили постоянство. Хоть грешилши кой-какие Попадались, но их в строку Невозможно было ставить, Зане юности проступок, Неопытности погрешность Есть удел детей Адамлих, Есть лишь следствие всегдашне неизбежное чувств наших. Но грехов распутства умна, Грехов хитрого софисма Там не знали.– Да еще же Я намерен рассказать вам, Как то свойственно и нужно, Чуть не вымолвил я – должно для того, кто в гости ездил Во страны пустынь, дальны, Во леса дремучи, темны, Во ущелья – ко медведям. Итак, только расскажу вам то, что льстить лишь будет слуху, что гораздо слаще меда для тщеславья и гордыни; А всё то, что чуть не гладко, то скорее мы поставим в кладовую или в погреб и проклятие положим, если дерзкой кто рукою, сняв покров прельщенья наша, обнажит протекше время. Мы проклятье налагаем, хоть из моды оно вышло, но мы в силах наших скудны; А когда б властитель мира я Тиверий был иль Клавдий, тогда б всякий дерзновенный, кто подумать смел, что дважды два четыре иль пять пальцев ему в каждую дал бог руку, тот бы пал под гневом нашим. А как не дал нам бог власти, как корове рог бодливой, то мы к дерзкому воскликнем: "Отойди, пожалуй, дале, поди вон ты, оглашенный"; Мне здесь нужно суеверье; оболещен я, но желаю оболещен быть... и от скуки я потешуся с Бовою. Я вам сказку тех лет древних Расскажу, которую слышал от старинного я дядьки моего, Сумы любезна.

Петр Сума, приди на помощь и струею речи сладкой Оживи мою ты повесть. Без складов она, без рифмы Вслед пойдет творцу "Тавриды", но с ним может ли сравниться!!

О Вольтер, о муж преславный! Если б можно Бове было быть похожу и кое-как на Жанету, девку храбру, что воспел ты, хоть мизинца ее стоить, если б можно, чтоб сказали: Бова только тоща тень ее, – довольно, то бы тень была Вольтера, и мой образ изваянный Возгнезвился б в Пантеоне. Но боюсь, твоя участь будет равная с Жанлисой по передням волочиться.

Вы Бову хотя видали, но в старинном то кафтане, во рассказах няни, мамы, иль печатного... но дядькин Бова нового покроя, зане дядька мой любезный человек был просвещенный, чесал волосы гребенкой, в голове он не искался, он ходил в полукафтанье, борода, усы обриты, табак нюхал и в картишки играть мастер, – еще в чем же недостаток, чтобы в свете прослыть славным стихотворцем Ироической поэмы, или оды, или драмы?... Я пою Бову с Сумою! Возбрыньчи, моя ты арфа, ныне лира уж не в моде, иль вы, гусли звончатые, загудите, заиграйте; я пою – а вас послушать, о возлюбленны граждане, к себе в гости призываю.

На Пегаса я воссевши, полечу в страны далеки, в те я области обширны, что Понт Черный облегают, протекую страны и веси, где стояло сильно царство Славна древле Мифридата, где Тигран царил в Армении; загляну я во Колхиду, землю страшную и волшебную, где Ясон, обняв Медею, укротил сурово сердце Сей волшебницы ужасной. О любовь, о лесь пресладка, можно ль в свете отыскать, где тебе сердце непокорно?

Посещу я и Тавриду, где столь много всегда было превращений, оборотов, где кувыркались чредою Скифы, греки, генуэзцы, где последний из Гиреев проплясал неловкий танец; Чатырдаг, гора высока, на тебя, во что ни станет, я вскарабкаюсь; с собою возьму плащ я для тумана, а Боброва в услажденье.

Бова. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru

Из Тавриды в Таман прямо, А с Тамана чрез Кавказски Горы съеду я на Волгу, Во Болгарах спюю песню; Воздохну на том я месте, Где Ермак с своей дружиной, Садясь в лодки, устремлялся В ту страну ужасну, хладну, В ту страну, где я средь бедствий, Но на лоне жаркой дружбы Был блажен и где оставил Души нежной половину. Воздохну, что нет уж силы, О Ермак, душа велика, Петь дела твои!.. Я с Волги Перейду на Дон, где древле (Так, как ныне) коней быстрых Табуны паслися многи, Где отечество удалых Молодцов, что мы издавна Называли козаками.

Сошед с Дона, к Ворисфену Мы стопы свои направим. Там Владимир, страны многи Покорив своей державе, В граде Киеве престольном Княжил в блеске пышна сана Над обширным царством русским, Окружен всегда толпою Славных рыцарей российских; Он для памяти потомства Живет в Несторе и в сказках. О блажен, блажен сугубо!

Со Днепра пойдем к Дунаю; На могиле древней мшистой Мы несчастного Назона Слезу жаркую изроним. От Дуная морем Черным Поплывем ко Геллеспонту И покажем ту дорогу, По которой плывши смело, Войны росские возмогут, Византии стен достигши, На них твердо водрузити Орлом славно росско знамя. Но то скоро ли свершится? Будто время уж настало, Мне то снилось недавно Хотя снилось, но не знаю, Когда будет, - не пророк я, Но то знаю - оно будет.

Я к Бове теперь отправлюсь. А ты, милый друг читатель, Если лучшее познанье О странах сих иметь хочешь, Читай Бишинга - от скуки.

Песнь первая

Ветр попутный веет тихо в белый парус корабельный. Там на палубе летяща корабля, что волны зыбки Рассекал на влажном поле, Бова сидя, песнь унылу Пел и в гусли златострунны Бряцал легкими перстами. Пел, стенал, бряцал и плакал, Лил потоки слез горючих.

"Что возможет, ах, сравниться

С лютой горестью моею,

кто быть может столько бедствен,

столько бедствен, как Бова?

Лишь светило дня блестяще

мои очи озарило,

Грусти, горе и печали

мне достались в удел.

желчь сосал я вместо пищи

из сосцов змеиных лютых,

колыбель мою качали

скорбь угрюмая и злость.

сирота унылый, горький!

мой злодей мне мать родная!

она жизнь мою хотела

чуть расцветшую прервать

я один меж всей природы,

я во всей вселенной странник

и пустынный между тварей,

Всех родившихся в любви.

Ах, уныло мое сердце,

Не знай лютой сея страсти:

Ей горят сердца преступны,

А ты будь всегда ей враг".

Песнь скончал, поставил гусли; Пригорюнясь, взор ко берегу, Что вдали едва синее, Обратил и, воздохнувши Тяжело, вещал он тако: "Ты прости, страна родная, Ты прости, прости навеки. Мать жестока, мать сурова, О тебе я не жалею".

Слыша речи столь унылы, Слыша песни столь плачевны, Подошла к Бове старуха, Что в артели корабельной Должность важну отправляла Метрдотеля, иль - стряпухи. Хоть всю жизнь на синем море Провела она с лет юных В шайке лютых и свирепых, Ко серебру и злату алчных, Сих варягов и норманов, Коим прозвище в дни наши Не разбойники морские, Не наездники, не воры, Сохрани нас бог, помилуй, Чтоб их назвали столь мерзко, Не арабы марокански, Не алжирцы, не тунисцы, Но те люди благородны, Что без страха разъезжают в те суровые години, Как яр Позвизд с Чернобогом, Пеня волны, окропляют Их верхи людскою кровью; Грабят всех - без наказанья. Хотя выросла старуха Среди шума волн и ветров, При воззрении всегдашнем На жестокости Арея, Среди стенаний, вопля, крика Умирающих злой смертью, Или злее самой смерти Во оковах срамных, тяжких Иль железная неволи, Иль рабства насилья дерзка, Но была старуха наша Мягка сердцем и душою И с седым своим затылком Равнодушно не взидала Как молоденький детинка Проливал горячи слезы. Была ль то одна в ней жалость Иль в старухе кровь играла, Того повесть, хотя верна, Не оставила на память Наша повесть только пишет, Что, подшед к Бове поближе, Она руки распростерла И к иссохшей своей груди Прижимала Бову крепко. "Столь ты юн, но столь ты бедствен! Возгласила стара ведьма (Ведьма добра, мягкосерда, Не как киевские ведьмы, Что к чертям с визитом ездят На ухвате без уздечки). Ты открой свое мне сердце, Забудь горе на минуту. Моя власть хоть невелика, Хоть у всех я здесь служанка, Но мои старанья нежны Облегчат твою судьбину". Говоря сие, отводит Бову в малую каюту, Где старуха наша нежна Обед братьям всем готовит. Тут, согрев и накормивши, Бову нежно обнимает, Очи мокры от слез горьких Отирает поцелуем. "Скажи мне, - она вещает, Скажи мне свою кручину, Свою участь мне сурову!" Бова нежно имел сердце, В первый раз чрез многи годы Ощущает он отраду, Сладость ласки, сладость дружбы. Ах! какое в грусти сердце, Сердце сирое, одиноко, Не внушит приязни гласу И не сдастся на ласканье Хоть столетняя старухи? Если витязь Роберт славный Мог, ступив ногой на нежность, Обнять старую хрычовку И в объятьях ее мразных Совершить победу жарку, Восхитив цветок иссохший, Роберт был в любви ученый И задачу брачна ложа Мог решить он без поверки: Нос зажал, глаза зажмурил И, как витязь македонский, Узел Гордыев рассек махом, То Бове равно прилично Обнимать старуху дряхлу: Бова, знаем, парень новый, Он не видит преткновенья, Ласке лаской отвечает И лобзанию лобзаньем; Ему ж не было задачи, Как Роберту на решенье, Ложась с ведьмой спать на ложе. Старушонку Бова мило И столь крепко обнимает, Что напомним ей то время, Как ей было лет лишь двадцать. Не на ложе возлагают, Но на печку лезут греться, Зане холодно уж было. Тут Бова, собрав все силы, Тут Бова, вздохнув глубоко, Вынимает из кармана Платок белый, для запаса, Чем утрет ее он слезы. Зане знал Бова заране, Сколь его плачевна повесть И что тронет через меру Сердце добрая старухи. Еще раз вздохнул, рек тако:

"Я Бова, Бова царевич... Ты дивишься тому, вижу, Но верь совести нелживой. Я бы мог в том побожиться, Но божиться не умею И божиться не охотник. Город, в коем я родился, Есть столица сильна царства, Где пред сим венчаный властью Держал скипетр царь премудрый, Царь кирбит, сын Версаулов, Славен мужеством на брани, Славен разумом в советах, Милосерд, и щедр, и кроток, И любим своим народом. Ему дочь была родная Всех прекраснее из женщин, Мелетриса ее имя. Слух о царствии Кирбита, О его правленьи мудром И о прелестях царевны Молва громкая повсюду До дальнейших мест промчала.

Двор кирбитов был собранье Всех красавиц в государстве; Но меж всеми, яко солнце Среди звезд эфирна свода, Красотой своей блистала Мелетриса, дочь царева. В красоте она совместниц Не имела, и не можно было чувствовать к ней зависть, Зане столь была всех краше, Столь добра, мила, приятна, Что вблизи ее не смела

Бова. Александр Николаевич Радищев radischevaalexander.ru
Зависть яд пускать свой черный И ее ехидны люты, Мелетрису зря, немели.

Красота толико дивна Привлекала всех вниманье, И чувствительность сердечна Ей платила долг природы, Воспылав огнем любовным В груди рыцарей надменных, В груди рыцарей влюбленных. Все ей нравиться старались, Всем хотелось полюбиться И во юном ее сердце Воспалить любовный пламень. Но меж многими другими Отличались перед всеми Своим мужеством, красою, Своим нежным угождением, Своей силой и богатством Два царевича приезжих. Один горд, спесив, надменен, Взоры пылки, взоры страстны, На лице черты Алкида, Но Алкида в летах юных; Рост и стан его, и врачность, И осанка величава, Лицо смугло длинновато, Черны кудри по раменам, И густой бороды начало, Длань широка, персты толсты Всем довольно возвещали Его мужество и силу. Он наездник в ратном поле, Богатырь и вождь, и воин, Дадон сильный – ему имя. Но не только в ратном поле Подвизался он с успехом: Столь же славен он у женщин; А хотя в любви он страстен, Но подвластен ей он не был, И с Алкидом чтоб сравниться, Лишь ему недоставало Десяти жен и дев красных, Пятьдесят дочерей Фиспия, И одной лишь только ночки, Чтоб ему отцом быть нежным Пятьдесят раз вдруг в семействе. Славну рыцарю толико, Нет, нельзя не полюбиться Мелетрисе, страстной, пылкой; А тем больше, как лишь вспомнит, Что объятья, повторенны в пятьдесят раз нераздельно, Кажду ночь возобновятся. Пусть бессонница всегдашня (Столь ужасная больному) Ее мучит на постеле (Но сам-друг) и жизнь преторгнет: Так Рафаэль из Урбина, В свете славный живописец, Душу выслал вон из тела.

Другой рыцарь вежлив, скромн; Сердце, душу имел нежны, Очи быстры голубые, Лицо бело и румяно, По плечам золотые кудри, Вид, осанка Адонида. Но он храбр; счастливый рыцарь, На бою проворен, меток, Всегда разумом вождем, Зрел опасность твердым оком И в бою смерть хладнокровно. Он всегда венцы Лавровы Пожинал на ратном поле, Но не силою десницы, Не удачей, не коварством И не крепостью доспехов Побеждал Гвидон противных. Правды, истины поборник, меч его победоносный Никогда не обагрят кровью слабых иль невинных. Он защитник утесненных, Разрешитель уз и плена, Непорочности спаситель, И его смиренно сердце, Душа нежна, душа тиха Воспалалась гневом львиным, Когда видел он коварство, Ложь, строптивость и насилье, Угнетающих бессильных; Тогда воин милый, тихий Бывал враг непримиримый, Бывал бич неукротимый Злобе, буйству и прельщенью.

В таковых душах царевна Любовь сильну воспалила. И хотя со перва взгляда Мелетриса подарила Свое сердце всё Дадону, Объявить того не смела, И надежда в ней исчезла Быть его женой когда бы, Зане мноюю услугою Гвидон юный украшался, Спасав царство и Кирбита От насильств вождей хозарских. Царь Кирбит за то в награду Назначал его в супруги Своей дочери, Мелетрисе, В том признании вождем, Пользой царства и рассудком. Заключение неложно, Что спасителю народа Управлять его браздами Других паче всех довлеет. Гвидон был однородный сын на троне старца мудра И ближайша во соседстве.

Во дни красны, безмятежны, По скончаньи бедств военных, Царь Кирбит во утешенье Своей дочери прекрасной Игры рыцарски затеял И глашатаям повсюду Повелел трубою бранной Созывать на состязанье витязей из царствий разных. Он хотел при их собраньи Дать наследника престолу, Дать супруга Мелетрисе Храбра милого Гвидона; Зане там, как прежде в францы, Скиптр не мог никак достаться В руки, пряслицей что правят Или швейною иглой.

Уж из дальних и из ближних Стран слетаются стадами, Как вороны на гумнице, Славны рыцари в доспехах, Молодые, пожилые, Средних лет и с сединами. Иной едет повидаться со красавицей своею, Распестрив свое оружие Поперек и вдоль, крест-накрест Тем любимым из всех цветом, Что понравился пред всеми Обладательнице милой Его чувств, души и сердца. Другой едет, чтоб прославить Силы крепкой своей мышцы И прибавить хоть листочек Во венец, уже столь тяжкий От побед в кровавых битвах иль на славных поединках. А иной, кружась по свету, Ко Кирбиту в гости едет, Как в гостиницу обедать. Воруясь иной от темя до пяты, и даже зубы Воруя булатом, сталью, Смело, борзо выступает, Объявляя всем надменно, Всем, про то кто ведать хочет иль не хочет, написавши На своем щиту огромном Золотыми всё словами: "не терплю ни с кем сравненья", А там выйдет на поверку, что наш рыцарь пресловутый Позевать приехал только, И к несчастью случилось, что его десница страшна онемела, заболела, Паралич ее ударил, А то б он единым взглядом Повалил всех, опрокинул, Разогнал, развеял прахом. Что же прибыли? Игры все стали б вовсе в пень.- Нет, лучше, что болезнь, ему случившись, всех оставила в порядке.

Были рыцари не хуже Славна в свете Дон-Кишота. В рог охотничий, в валторну Всем трубили громко в уши: "Дульцинея Тобозийска Всех прекраснее на свете". А как воззришься в красотку, То увидишь под личиной Всех белил, румян и мушек Обезьяну или кошку, Иль московску щеголиху. За такую прелесть дивну Он, однако ж, снарядился На помол отдать все кости. Но нет нужды знать причину, Для чего они дерутся, Мы лишь скажем одним словом, Что их съехалось отвсюду Столько - столько - что нет сметы.

Поле ратно, окруженно Со всех стран, амфитеатром Возвышалось. Тут дубовы Скамьи были все покрыты Рытым бархатом, парчами, Алтабасом изошвенным. Везде видно серебро, золото И каменьа дорогие; Хитрость зодчества, ваянья Превышала тут богатство; И художество в союзе С драгоценностями земными Вид изящности давали Несказанной всему зданью; Но искусство свои силы Истощило под престолом, Уготованным царице С ее дочерью прекрасной. На столпах кристальных твердых, На сафир во всем похожих, Что огнем искусство хитро Из сожженна в пепел древа, Из песка иль камня бела, Зной сугубя, сотворило, Возвышался свод порфирный, Испещренный весь цветами, Где, природе подражая, Рука мастера искусна Изваяла их из злата. Перлы светлы и жемчужны Внизу свода, меж столпами Вкруг висели ожерельем. В верху свода образ светлый Возвышался в виде буйном Той богини, вслед которой Праотцы славян издревле Вихрем бурь носились всюду. "Лучезарна богиня, Слава, дочь мечты, призраков! На престоле мглы блестящей, Звезд превыше и Олимпа, Из-за облака золотого Кажешь ты венцы Лавровы. Но лицо твое кто узрит? Кто существенность постигнет Твою? - Легкой ты завесой Паров утренних, прозрачных Прикрываешь черты шатки, И тебя сквозь их лишь видит Пылкий взор воображенья. Лишь оно тебя рисует И такими лишь шарами, Как ему угодно только".

Посреди широка поля Жертвенник из твердой стали Блещет зеркальным сияньем; Фиммиам тут не курится, Брус стланцова черна камня Тут лежит на изошренье Копия, меча, булата, Чем обильны всегда жертвы Славе в честь приносит воин. Ибо нет попов с причетом, Ни жрецов у ней священных. Кто грудь смелую имеет, Твердый дух в бедах на брани, Кто храбр, мужествен, отважен, Тот есть жрец сея богини.

День настал уже тот грозный, Равно скучный и веселый, Где богиня лучезарна Уделит своего блеска Гордым всем своим любимцам Иль покроет грязью срама Всех тех, коим она кажет Свой затылок безволосый. Зане так же, как Фортуна, Сестра Славы, легконога; У ней волосы тупеем Растут спереди косою, А затылок весь плешивый. Они моде сей учились (Мы здесь скажем мимоходом Для того, кто не читает Путешествиев всемирных) У мунгалов иль китайцев, Иль в Тибете, иль Бутане, в той стране благословенной, Где живет тот царь священный, На востоке столько чтимый; Его бабка повивальна Рассказала, и все верят, Что он выше всех на свете, Никогда не умирает; Его смерть не есть кончина, Его смерть есть прерожденье; Что в мгновенье то ужасно, Как дух жизни непостижный Обветшалое жилище, Мертвый труп наш, оставляет, Божество сие двуножно Преселяется в младенца Или в юноша любезна, Чтоб счастливым правоверным Опять в знак щедрот небесных Рассылать (но на закуску Для десерта в день торжествен) Своих сладких яств останки, Что в священных его недрах Благодатная природа В млеко жизни претворила. Вещество сие изячно, В чем алхимик остроумный Парацельс иль Авицена, Или Бехер, иль Альберты Злата чистого искали; В чем счастливый Брант и Кункель, Светоносный луч открывши, Пред очами изумленных Возжигали (без огнива) Огонь в трубках и курили Траву пьяну некоцьянску, Табаком что называют. Но где меньше их счастливыцы Все отеческо наследство, Накопленно и стяжанно Кровью, потом и трудами, Иль грабительством, мздоимством, Иль другим путем превратным, Пережгли, передвоили. О, сколь счастлив был бы смертный, Если б все богатства в свете, Злостяжанные неправдой, Обращались чудесно В вещество сие изячно, Далаи-Лама которо Всем в подарок правоверным Для десерту рассылает; Если б в нем фосфор блестящий Раз сверкнул и превратился б В пары светлы, исчезая, И, исчезнув, бы оставил Лишь уханье амвросийно, Столь известное в природе, Дабы знали, сколь есть смрадно Злостяжанное богатство, Хотя блещет лучезарно.

Еще в Зничеву коляску Перстоалая Зимцерла Коней светлых не впрягала, И клячки огнебурны На конюшне Аполлона Овес кушали эфирный, Как прекрасна Мелетриса, Не смыкая своих веждей, Ложе скучно, ложе девства, Ложе томно одиночества, Свое ложе оставляет Прежде, нежели петел громкий Запинательным напевом Не воспел нам час полночный. "О! несчастная всех больше! Мелетриса так вещает, Почто в свете я родилась? Почто зреть мне светло солнце, Если жизнь влачить плачевну Осужденна я не с мильм? Или щедрая природа Моему лицу румяну Дала прелести опасны Для того, чтоб в горькой доле Я потоком слез горячих Их цветы весенни ярки На рассвете

Бова. Александр Николаевич Радищев radischevalalexander.ru сорывала!" Так завыв, царевна наша Распускает длинны космы По раменам обнаженным. Она, вставши со постели в одной тоненькой рубашке, Ни юбчонки, ни мантильи, Ни капота, ниже шали На себя не надевала И, по горницам без свечки, В темноте густыя ночи, Всюду ходя, выла волком. "Нет, не думай, чтоб досталась Я в объятия Гвидону! Пусть скорее ненавистна Горька жизнь моя прервется, А тебе, мучитель брачный, Лишь достанется в укору Мое тело бездыханно!.." Без ума почти, в потемках Она ходит, везде ищет Вожделенного орудья Безнадежному в злом горе На скончанье скорой смерти Жизни, ставшей ненавистной. Со мгновенья на мгновенье В ней отчаяние, томно Сперва, стало уж лютее: Не нашла себе в отраду Ни ножа, ниже иголки, Ни копыя булатна крепка, Ни меча, ни сабли острой, Ниже шпаги - хотя б бердыш Или ножик перочинный, Или вертел ей попался... Но злой рок был столь завистлив, что все вещи смертоносны От нее как в воду спрятал. Ей так подлинно казалось. Но мы в том не обвиняем ни судьбы, ни чародейства, чтоб царевне в злу насмешку, чтоб от горькой Мелетрисы Они сталь, булат, железо, всё попрятали в колодезь. Одно было тут волшебство, То всегдашнее волшебство, что в подлунной совершает Земли суточно течение; То волшебство несказанно, где, с подмогой воображенья, Видим мы весь ад разверстый, Домового, черта, ведьму, Или рай, или - что хочешь; То волшебство, одним словом, было тут простерто всюду, была - ночь, и было темно, Глаза выколи хоть оба.

Говорят, сопротивленьем Всяка страсть в нас коренеет, Всяка страсть ярится с силой. Как вихрь бурный дует в пламя, Иль мехов насосных сотня В горн (сложенные все вместе) Верзят воздух, в них стесненный, Клубоомутной струею; Вдруг зажженный уголь рдеет, Зной палит в нем черно сердце, Угль горит, со треском искры, Как пращом, в окрестность мещет, Дым клубится, вихрем вьется, Жар и зной уж всё объемлют, И одно, одно мгновенье В горне видишь огонь геенны... Так царевна, не нашедши Ни меча, ни остра шила, Злу отчаянью вдается. Лбом стучит во всяку стену, Бросясь на пол, бьет затылком. Но предательны помосты, Покровенные коврами Шелку мягка шамаханска, Ее гневу лишь смеются. На них вместо смерти лютой Она волосы ерошит. Но, опомнясь, воспрянула, Как младая легконога Серна скачет с холму на холм; Воспрянула, луч надежды Протекает ее сердце. "Нет, сложась стихии вместе Не возмогут тряхнуть душу, На погибель устремленну. Тот умрет, кто жить не хочет", так воскликнула царевна. Она бросилась поспешно к тому месту, где спит мама, Ее мама дорогая; Карга - имя ей в истории; Над постелей Карги мамы был вколочен гвоздь претолстый, Большой гвоздь и деревянный, Он длиной в аршин иль больше, на который Карга мама По ночам трех соболий Свой обыкла всегда вешать. На гвозде сем умышляет Скончать жизнь свою царевна. .."

"Как! - вскричала тут старуха, Прервав речь Бовы поспешно. Скончать жизнь таким же средством, Каким девы Вавилонски Жизнь давать учились древле!! Или в честь священна фала У вас жертва не курится? Или образ его дивный Вы не носите на выях? О, народ, народ предезкий! Презреть фала, фала сильна, что жизнь красну дает в мире! Кем живет всё, веселится, Без чего бы и вселенна, Забыв стройное течение, Стала б дном вверх, кувырнулась. Зане фал есть ось та дивна, на которой мир вертится. Фал - утеха Афродиты, фал - то яблоко златое, за которо три богини Пощипались на Олимпе, Вцепясь бодро в божи кудри".

Бова слушал в изумленья Свою дряхлую подругу. Видит, жаром необычным Засверкали ее очи, Вздохи вздохами теснятся, Воздымают грудь иссохшу. Потягота во всех членах, Жар гортанью ее пышет, Во рту скрыл зубных остатков. Но вдруг взоры ее меркнут, Млеют члены и слабеют, Стары ноги протянула, Сомкнув вежди, испустила Тяжкий вздох и покатила, Чуть-чуть с печки не упала. Бова старую подругу Подхватил в объятья нежны. Он уж думал, черна немочь Ее дряхлу жизнь скончала и последняя отрады Навсегда его лишила; Но с веселием он видит, что в старухе сердце бьется, что в ней кровь не охладела. Очи томны отверзает И, вздохнув она легонько: "Ах! любезный мой, - вещает, (Зри, сколь фала почитаю) Зри его священный образ, что скудельничьей рукою Изваян из глины хитро: Се утеха моей жизни, Се надежда мне по смерти. Голод, жажду утоляет, Нектар он и амвросия!.." Бова видит - ужаснулся: образ фала у старухи; Он дивится... Кто не знает, не читал кто во истории Древней повести народов, Тому слог наш непонятен. А Бова, хотя и видит, но что видит, он не знает. Так во глазе сетка чувствий, Ослабев иль уязвленна, Жизнь, чувствительность теряет. И то чудно, велелепно, то божественное чувство, Чувство зренья изящно, чем все вещи для нас в свете Оживляются шарами Преломленных лучей солнца, Вдруг померкнет, тмится, гаснет, и предметы ярка света Погружаются в тьму мрака. День прошел и сочетался С ночью, или ночь настала во очах, ночь непрестанна. Словом, слеп кто, тот не видит. Так, истории не зная, не узнал Бова наш фала и был слеп в своих познаниях. А старуха, то приметя: "Продолжай, - она вещает, Свою повесть ты плачевну". Бова, вынув платок

Бова. Александр Николаевич Радищев radischevalalexander.ru
белый, Отирает чело старо Своей нежныя подруги, У которой пот горохом В
исступленьи показался. Пот проймет и не старуху, Когда корча нервы тняет, Когда
мышцы все трепещут, Грудь вздымается от вздохов И упруго сердце бьется Так, как
древняя пифия На треножнике священном Дрожит, рдеет, стонет, воет... Ах! всегда
в сие мгновенье, Когда жизнь в избытке льется, Бог нас некий оживляет!

Конец первой песни

1799-1802 (?)

Примечания

План богатырской повести Бовы

При тихом плавании Бова поет песню, соответственную своей горькой участи. Вдруг
восстает буря; все, струся, молятся богу, всякий своим манером. Бова сидит один
пригорюнясь, что раздражило матросов; они его бросают в море. Буря утихает, как
будто нужно было для утишения ее, чтоб он был брошен. Бова между тем выкинут на
берег; лежал долго, встал, идет и видит (описание острова похотливости). Игры,
смехи, забавы стараются его целую неделю заводять в любовные сети, но он
удерживает свое целомудрие, не ради чего, как по своей новости. Чрез неделю вся
прелесть острова пропадает, и он превратился в пустыню; он ходит, находит костер
зажженный, на котором горит зажженная змеиная кожа; он ее вынимает, но едва он
сие сделал, как день померк, гром восстал; и он видит при сверкании молнии,
видит ужасных чудовищ и проч. и между ими идущую жену прекрасную, но взору
сурового. Несчастный, ты сохранил мою лютую злодейку, и я тебе всегда буду
мстить. Ее угрозы: не властна я в твоём теле, но в сердце твоём; я им тебя
накажу. – Между тем видит он из-за горизонта восходящую будто зарю; мрак исчезать
начинает, с ним и призраки и вид жены строговзорой; свет множится. Он видит
летающую колесницу, везомую лебедями; опустилась, нисходит жена вида
величественного, приятного; благодарит, что он ее кожу спас и возобновил ее
юность. Повествует о духах, как они властвуют над человеком, а сами подвержены,
чтоб умножаться, чрез семь дней обращаться в змий, и если их кожу кто унесет, то
они становятся человеки, подверженные всем немощам людским и, по долговременной
и дряхлой жизни, может быть, и смерти. Люба украла ее кожу и уже сто лет ее
держала, но он ее спас; в благодарность она ему обещает блаженство: силой и
красотой одарила тебя природа, но берегись моей совместницы и лести не принимай
за любовь истинную. А чтоб то тебе познавать, вот тебе зеркало: когда, в страсти
будучи, ты в него взглянешь и оно чисто, то любим нелицемерно, ежели же тускло,
то любовь плотская, и соперница моя близка. Когда же что захочешь от меня, то
помысли, и в зеркале увидишь, что тебе делать. Сказав, исчезла; остров и всё из
глаз пропало, и Бова очутился на том же песчаном берегу, где, мы позабыли
сказать, что, утомленный плаванием в буре, он заснул. Дивится сновидению своему,
но еще больше дивится, видя близ себя малое зеркальце. Не ведает, сон ли то или
мечта. Идет, встречает старца, который ему очень рад. Он его отводит домой, где
его все принимают с радостью, дивятся ему, его омывают, наряжают в белое платье
и объявляют ему, что он невольник по законам. Он им рассказал свою повесть,
скрыв только свой чин. Плачет: из погибели в неволю.

На другой день его выводят на торжище, где его продают садовнику царскому. Сей
отводит его в сад; он живет, работает и поет свою песню. Услышала царица, велела
привести его к себе и, увидя его столь юна и широкоплеча, влюбилась. Начала к
нему приступать. Идет в баню, куда и его зовут; он не соглашается. Его в
комнатные наряжают, он стоит за ее стулом. Тут его увидела царица, влюбляется,
не знает, что чувствует, но они сходятся в саду и, зная, что худо делают,
исполняют волю любви. Недолго они тем наслаждались; царица, гуляя в саду, их
застает; ее ревность, бешенство, отчаяние; велит царице запереть в терем, а его
сослала на конюшню. Тоска его, отчаяние.

Между тем помышляет царь отдать дочь свою замуж, боясь следствий свидания с
Бовою; клич кличут, чтобы все цари, царевичи и сильны богатыри съезжались на
турнир, и кто всех победит, то будет ему зять. В назначенный день собираются на
ратное место многие царевичи и богатыри; приходит царь с царицей и приводят
царевну. Унылость ее делала ее привлекательнее и черты ее опаснее. Сражаются.

Между тем Бова, горюя о своем жребии, имея всегдашнее желание видеть царевну,
вспомнил о своем зеркале, которое всегда носил на шее, взглянул в него и видит
себя в нем в богатырском уборе на коне; внизу сии слова: ступай на поприще и там

Бова. Александр Николаевич Радищев radischeva@alexander.ru

увидишь. Пошел в конюшню царскую, седлает одного из коней, подле коего находит сбрую ратную богатырскую: латы, шлем пернатый, меч и копие. Наряжается и, опустив зрельницу, едет за город на место поприща. Уже все рыцари побились, и один остался над всеми победителем, разъезжает гордо; громко возглашает, вызывая на бой. Бова въезжает, пускают его; пускаются, копья их летят вдребезги, вынимают мечи и, наскочав, ударяют друг друга; у Бовы меч переломился; соперник его хочет с размаху в зрельницу ударить, но он, уклонясь, спрыгивает с коня и, прискочив, сдергивает всадника с коня и меч его, вырвав, отбрасывает. Схватываются бороться, и Бова, одолев его, повергает на землю, ставит колено на грудь, снимает 133 шлем и принуждает признать себя побежденным. Тут к нему подступают все и ведут его торжественно; а соперник его скрылся от стыда, яростен и желая мщения; сей был Лукопер, сын Хана Болгарского. Бова венчается царевною; она излагает на него венец, говорит: будь счастлив, но не со мною. – Ах, прекрасная, ужели Бова недостойн стал тебя, или твоя любовь переменилась? Но, хотя победитель, ведаю, что не могу еще быть твоим супругом. Дай мне слово не быть ничьюю. – Клянусь, – вещала царевна. Он снял шлем и подошел к царю и царице; сия, увидя его, возгорелась паче любовью, но, дабы положить преграду женитьбе, причла ему в вину, что, не будучи рыцарь, он смел сражаться, и хотя он победитель, но должен сперва заслужить свою вину. И так Бову велели судить, и судьи мудрые присудили сделать Бову рыцарем и велеть ему ехать искать живой воды, которая, по сказанию верных людей, нянь и мамок, течет из горы за тридевять земель в тридесятном царстве. Его посвятили рыцарем, и он надел черные доспехи в знак своей печали, пустился. Выехав за город... – иной спросит: для чего он не послушался? Нельзя: кто знает, сколь строги законы чести, тот знает, что рыцарских правил послушаться было нельзя. Да и ныне, когда свинья тебя толкает рылом, то тяни вон шпагу и колись: так честь повелевает. Но преслушался он в том, что захотел видеть царевну и вынул зеркало, посмотрел, видит себя одетого в старушечье платье цыганкою, и слова: иди к терему. Остановился, видит, у дороги лежит одежда, одевается, идет, поет: кто хочет знать свою судьбу, давай тот денег, и узнаешь; кто чаёт быть царем, ходи тот к нам, и дам ответ; кто хочет знать, что мило сердцу, будет ли то его иль нет, бери от нас совет, и грусть его пройдет! – Старуху, хоть сердце и свербит, но любопытство! зовут цыганку! он поет и велит царевне плакать. Открывается, живет у нее, спит с нею и позабыл про живую воду. Жил у нее четыре месяца, видит в одну ночь, что он упал с терема и зеркало разбил; он было в утехах про него и позабыл, пробудился, глядит, видит, зеркало тускло, и едва читает сии слова: лживый рыцарь, не сохраняешь клятву, ты недостойн обещанного блаженства. Спеши обет исполнить, а в наказанье, что послушал своей страсти, зеркало у тебя отъемлетса, доколе не исправишьса. Едва он сие прочесть успел, зеркало исчезло, а он себя нашел лежащ на земли в доспехах богатырских у ног своего коня и без зеркала. Дивится, но сел и поехал.

Уже проехал он многие земли и царства, путь продолжая на восток, презирая непогоды, зной, холод, жажду, глад, достиг наконец подошвы Тавра. Утомленный долгим путем, он слез, коня расседлал и пустил, а сам снял шлем и лег на мураве; и видит едущего с горы; показался ему исполин, сидящ на коне исполинном, но, ближе подъехав, увидел, что то был человек сверху, а внизу конь, испужался но, кликнув к себе коня, надел шлем и поехал. Издали кричал ему чудовище, как смеешь, молокосос, сесть при мне на коня; я Полкан, сын Бреда, сила моя известна в свете; покорись или умрешь, даю тебе время на размышление, погляди на меня поближе. – Бова видит вверху человеческое, но зверообразное, мохнатое лицо, нос красно-синий, глаза как угли раскаленные, по пояс был весь мохнат, а ниже пояса конь сильный, у которого недоставало только шеи и головы; на плече держал палицу дубовую или, лучше сказать, дубовое бревно. Бова не утратился и в ответ ему сказал только: разъезжайся, и поскачем. – Ударились. У Бовы копье разлетелось, ниже оцарапало Полкана, но удар столь был силен, что Полкан упал на колена, а он Бову столь ударил сильно, что Бова слетел с лошади; но, вынув меч, пошел опять против чудовища. Сей ему говорит: ты первый, кто мог мне дать такой удар и проч. Твой меч будет безуспешен, ибо я определен умереть от когтей львиных, я их много поражал, но конца своего еще не знаю. Будем друзья, твое мужество мне нравится. Поедем. – Бова ему сказал, куда послан. – Ах! неистовая царица желает твоей смерти, я был в их воле; отец ее за мое озорничество обманом зарыл меня в землю, и кормили меня только хлебом и водою, и меня с тем выпустили, чтобы я тебя убил за то, что про тебя сказали, что обесчестил царевну и бой рыцарский, будучи раб купленный; на погибель твою, – сказал Полкан, – я бы туда поехал и тебе пособил, но тот, в чьей области сия вода, мне брат. – Так сделай же доброе дело, поезжай, освободи мою супругу – Полкан дал слово, и расстались.

Бова. Александр Николаевич Радищев radischevalalexander.ru
Полкан возвратился и сказал царице, что он не нашел Бову, а ночью, украв царевну, увез ее и поехал; хотел убить мать Бовину и царевну там посадить, чтобы ждала Бовы. Уже они достигли до пределов того государства, но стали отдохнуть, царевна уснула, а проснувшись, увидела Полкана мертва и подле него льва издыхающую, у которого разорваны были лапы. Она устрашилась, пошла в город и нанялась в работницы; родила двойни.

Между тем царица, пылая мщением, призвала чародея и сказала, что ей хочется погубить Бову – Погубить его нельзя, судьбы тому противны, но можно его свергнуть в несчастье, отняв у него сбрую ратную и коня.– Ступай, сказала царица. Чародей в миг догнал Бову, который оставался близ града Испагани Пустил коня. Но чародей прежде вошел в город и солгал царю Салтану, что Бова приехал воевать его государство. И так царь выслал против него много рати, но Бова их прогнал и поехал мимо. А чародей оделся в монашеское дервишское платье, сел на распутии. День очень был жарок; Бова, ехав, увидел старца, под деревом пьющего, попросил у него, тот ему подал, и Бова захотел спать. Лег, а чернец снял с него доспехи и, взяв меч и копье, сел на коня его и ускакал, сказав в Испагани, что Бова обезоружен; пришли, взяли его и посадили его в тюрьму. Бова горюет, готовят ему казнь. Ибо тут был царем тот самый Лукопер, которого он победил на поприще. В ту ночь, когда ему было идти на казнь, он, ходя по темнице, ощущал в углу меч, обрадовался; то меч был богатыря, которого царь уморил с голоду, зарыв в темнице. Как пришли его братья, то он стал убивать тех, которые к нему приближались, наконец отбил всех и, вышед, пошел вон из города; никто не смел его тронуть. Лукопер, узнав, сам поскакал за ним, но Бова, отвернувшись от его копья, ударил мечом наотмашь и свалил его. Взял его коня и поехал, а рать Лукоперова за него не вступилась.

Наконец достиг Бова той горы и, сражавшись с привидениями и страстями, наконец почерпнул воды, напился ее и в новой силе поехал в обратный путь. Приезжая назад, увидел, что царевна увезена Полканом, а чародей, возвратясь в его доспехах, убил царя с царицей и стал царем. Тогда скоро в цари попадали. Узнав также, что она поехала с Полканом к матери Бовы, он с ратью ходил на то царство, короля убил изменою, а жена его умерла прежде; но дань наложить на царство не мог, ибо там вельможа один начальником был, а царевны не нашел. Бова туда поехал, нашел охотника, принят был, ибо вельможа был его дядька Цымбалда Бова услышал, что Полкан был умерщвлен львом, и думал, что и царевна также, то по совету дядьки хотел жениться. Он прежде воевал чародея и, убив его, покорил его царство. Все уже готово было, как он, объезжая свое царство, близ маленького отдаленного городка увидел двух мальчиков, из коих один, шед, играл на арфе, а другой пел его любимую песню, что он певал в несчастии; спросил у них, кто они, и, пошед с ними, нашел царевну.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://radischevalalexander.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!